

УДК 821.512.145

ДИАЛОГ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУР (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Г.ТУКАЯ)

© Т.Н.Галиуллин

В статье рассматривается один из вариантов усвоения национальной литературой достижений других литератур на макроуровне. На материале анализа вольных переводов татарского поэта доказывается, что Г.Тукай в обращениях к лучшим образцам европейской поэзии, оставаясь сугубо национальным поэтом, достиг удивительного эффекта достоверности, жанрового разнообразия и стихового изящества.

Ключевые слова: межлитературный диалог, контаминация, наследие Г.Тукая, вольный перевод, индивидуальность.

«Ни одна великая национальная литература не развивалась вне творческого взаимодействия с литературами других народов», – писал В.М.Жирмунский [1: 71]. Действительно, развитие национальных литератур во многом происходит за счет межлитературного диалога, который обогащает их иными формами и жанрами, мотивами и образами. В истории многих национальных литератур выделяются периоды, когда межлитературный диалог становится причиной невероятного скачка. В татарской литературе начала XX века, например, мощным стимулом, оказавшим серьезное влияние на идейно-эстетическое содержание и поэтику, явился синтез многовековых традиций Востока с достижениями словесного искусства Запада. Национальная поэзия, доселе развивавшаяся под влиянием традиций народного творчества, средневековой письменной литературы, философии и эстетики Востока, под давлением общественно-политических перемен, происшедших в России и в мире, сохраняя древние корни, повернулась лицом к поэтическим школам Европы. В большей степени опираясь на переводы русских, частично турецких авторов, прогрессивные и талантливые поэты Дардменд, С.Рамиев, С.Сунчелей, З.Башири и др., как к солнцу, потянулись к поэтическим достижениям Европы.

Усвоение татарской литературой начала XX века достижений русской и западноевропейской литератур происходило по-разному. Осуществлялся и прямой перевод текстов, и соположение национальных образов и мотивов, и контаминация жанров. С точки зрения обогащения национальной литературы наиболее продуктивной была модель контаминации, когда происходило взаимопроникновение целых моделей мира. Именно это явление наблюдается в творчестве молодого Г.Тукая, всем ходом творческого развития наиболее подготовленного к превращению

«чужого» в «свое». Продуктивностью, смелостью и поэтической отточенностью выделялись его авторские переводы и переложения.

Значителен тот факт, что на раннем этапе творчества (1905-1906) Тукай оригинальные произведения писал на сложном старотатарском, с заимствованиями слов из арабско-персидского, старотурецкого языков, доступных современному читателю лишь в подстрочном переводе: «Мөридләр каберстаныннан бер аваз» («Голос из кладбища мюридов»), «Пушкинә» («Пушкину»), «Дәрдмәнд дәгелием» («Я не Дардменд»), «Мөхәрриргә» («Писателю, редактору»). В переложениях с других языков он отдает предпочтение татарскому литературному языку.

В становлении художественного стиля и литературного языка Тукая сыграли свою роль многие факторы, в том числе переводы басен русских поэтов. Как отмечает профессор И.Нуруллин, поэт только «в 1906 году опубликовал в журнале «Эльгасрел-джадид» («Новый век») около ста переводных басен, 65 из которых принадлежат перу А.И.Крылова» [2: 32]. Позднее Тукай и сам стал признанным мастером этого жанра [3: 287-316].

Также является закономерным, «что его первым замечательным поэтическим произведением на чисто татарском языке был перевод стихотворения А.Кольцова «Что ты спишь, мужичок?», опубликованный в 1905 году под названием «Сон мужика» [4: 249]. Его трудно назвать переводом в прямом смысле этого слова. Учитывая реалии нового времени и национальную специфику, Тукай доводит 52 строки Кольцова до 79. Если русский поэт точными, броскими, жизненными деталями обрисовал бедственное положение крестьян в целом, то Тукай выводит на первый план образ мужика, когда-то почтенного, уважаемого, но из-за лени превратившегося в жалкого и нищего отщепенца, и заканчивает сти-

хотворение с горькой иронией: «Урыныңнан кузгалма, йоклыг күр алайса». («Не шевелись, лучше спи уж тогда») [5: 14]. При этом оба поэта остаются на позициях наивного просветительства, утверждая, что человек должен ковать свое счастье собственными руками, т.е. добросовестным трудом.

Хотя в творчестве Тукая достаточно большое место занимают вольные переводы, он ни одно инонациональное произведение в буквальном смысле не переводил, а развивал мотивы, и определяющим в текстах оставалось тукаевское – сугубо национальное – мировоззрение и мышление. В первую очередь его душу озарил Пушкин, «вдохновенный, неподражаемый поэт, единый во вселенной» [3: 18]. В стихотворении «Из Пушкина» (1906), на первый взгляд, сохранена основная идея русского поэта, призывающего красавицу забыть о быстротечности, бренности жизни на земле и отдаться сиюминутному веселью. Вместе с тем, в подтексте – осуждение многоженства, таким образом, из девяти строк русского поэта у Тукая «выросли» двадцать.

В творчестве русского поэта Тукай находил пути решения национальных проблем, которые возникали перед татарской интеллигенцией после поражения революции 1905 года. Стихотворение «Мэхбүс» (1907) – свободное переложение знаменитого пушкинского «Узника» – отражает эти настроения: негодования среди татар на усиление цензуры, на притеснение джадидистских учебных заведений. Романтический герой, страстный борец за свободу, с глубокой скорбью переживает свое заточение в железную клетку. Призыв черной птицы улететь в степь, как братья, будоражит душу узника. Свободолюбивая личность, готовая принести себя в жертву ради будущей светлой жизни, соответствовала эстетике прогрессивного романтизма.

«Интересно, – пишет Г.Халит, – что русские и западные поэтические традиции вошли в творчество татарского поэта не врозь, а в определенном единстве через русский язык и еще прочнее сплелись в его идейно-эстетическом восприятии, скрещиваясь с восточно-национальным компонентом» [6: 261]. Нельзя не согласиться с этим утверждением.

Программный характер имеет стихотворение «Поэту» (1907), опубликованное с примечанием: «Одно из наставлений почтенного Михаила Юрьевича Лермонтова», в котором поэт размышляет, вслед за учителем, о недооценке, недопонимании роли литературы в жизни общества. Трепетно относясь к поэзии и личности Лермонтова, Тукай переложил значительное количество его стихов, соответствующих своему

духовному настрою: «Вәгазь» («Назидание», 1907), «Бишектәге бала» («Дитя в люльке», 1907), «...га (И матур! Иренмәче...)» / («О, красавица! Не ленись...», 1907), «Охшату» («Уподобление»). Тукай с особым желанием, вкладывая и свою страсть, вдохновение, знакомит татарского читателя с любовной лирикой Лермонтова. Одним из примеров является вольное переложение стихотворения русского поэта «К... (Глядися чаще в зеркала)», под названием «...га (И матур! Иренмәче...)», которое отличается тонкими нюансовыми поворотами мысли, чувств.

Уже в самом названии содержится интрига: влюбленный подсказывает девушке, не ведающей о своей неопишуемой красоте, не лениться, почаще заглядывать в зеркало. И здесь таится цель: пусть и сама убедится, что он не зря так ее любит! Влюбленный взамен «получает» эффектное восклицание: «Я красивая, уф! Ай-ай, красивая я», «этот поэт не зря стонет».

Лирический герой не жалеет красок, ярких художественных деталей в изображении красоты девушки, но тонкая ирония меняет пафос лермонтовского творения:

*Посмотри и пойми, что поэт восторгался
не зря,*

*И что плакал не зря он, сердечным волненьем
горя.*

*Ты согласна душа моя? Ты на моей стороне?
Я ведь прав, если даже погибнуть назначено
мне.*

(Перевод В.Тушновой) [3: 87].

Взаимопроникновение в тексте авторского перевода двух художественных миров – «своего» и «чужого» – влияло не только на содержание, пафос, идею стихотворений, но отражалось и в форме, стихосложении. По поводу стихотворения «Вәгазь» («Назидание», 1907), написанного на сюжет лермонтовского «Опасение», Н.Хисамов пишет: «Лермонтовская четырехстрочная строфа у Тукая разрастается до 19 строф (бейт) или 20 строк русского оригинала на татарском занимает 38 строк. Лирическое начало и смысловая острота Лермонтова теряется в многословном назидании» [7: 45]. Тем самым стихотворение обретает особую систему ценностей, которые указывают на национальный склад мировидения.

Известно, что Тукай высоко ценил поэзию Байрона. «Этот человек родил всемирное течение «байронизма», он обрушил на весь белый цвет бурный поток высоких, великих и благородных чувств, которые клокотали безвыходно, по слабодушию и творческой беспомощности тех, в душах которых они родились»... [8: 87]. Хотя из-за языкового барьера он не мог полно-

стью прикоснуться к великой поэзии Байрона, Шиллера, Шекспира, Гейне и др., тем не менее в переложениях раздвигал, разрушал, передвигал «границы», проникаясь в мышление и духовный мир западного человека, в его психологию, менталитет (например, «Из Шиллера» (1907), «Из Байрона» (1907) и «Син булмасаң!» («Если бы тебя не было», 1907), «Ләззәт вә тәм нәрсәдә?» («В чем сладость?, 1907) и др.). Так, небольшое стихотворение немецкого поэта и драматурга Шиллера (1759-1805) (перевод Лермонтова «К... (Из Шиллера)» Тукая привлекло просветительской направленностью. Сразу бросается в глаза формальная разница между двумя переводами. Четверостишие русского поэта у Тукая превращается в две полноценные строфы с 15-15 стопами.

Лермонтов:

*Делись со мною тем, что знаешь;
И благодарен буду я.
Но ты мне душу предлагаешь:
На кой мне черт душа твоя!..*

Тукай:

*Син бүлеш, сөйсәң мине, гыйльмең вә гыйрфаның
белән;
Нәрсә белсәң дә, икәү уртаклашык аның белән.
Син исә: «Эстәр исәң, жәңлымны бирермен», –
дисең,
Нәрсәгә жәңның миңа, нишлим синең жәңның
белән?*

[10: 52].

В отличие от лермонтовского монолога, Тукай обогащает данное стихотворение интимно-доверительными синтагмами («если любишь», «если пожелаешь») и диалогом. Кроме того, в ткань стиха вводится третье лицо («уртаклашык аның белән» / «поделимся знаниями с ним»). Лермонтов рифмует 1-3, 2-4 строки, а у Тукая согласуются 1-2-4 строки.

В этих двух переложениях (Шиллер – Лермонтов, Лермонтов – Тукай) обращает на себя внимание смысловая «перезагрузка». Лермонтов перед близким человеком выдвигает абстрактные, романтические требования: «делись со мною тем, что знаешь». Желание увидеть свою нацию на одном уровне с цивилизованными народами заставляют Тукая усилить общественно-значимое начало через актуализацию проблем культуры, образования. Вера поэта в то, что в прогрессе общества просвещение играет огромную роль, придает его переводу социальную заостренность. Татарский поэт, видимо, считая лермонтовское выражение «И благодарен буду я»

слишком сентиментально-слащавым, не переводит вообще. Сохраняя восточную интеллигентность, вкрадчивую мягкость, он заменяет лермонтовское «На кой мне черт твоя душа» выражением «Для чего мне твоя душа». В обоих переложениях в основе конфликта (несколько условно-натянутого) – противопоставление личного и гражданского.

Таким образом, в переводах, переложениях, подражаниях Тукая налицо удивительный симбиоз татарской и русской, западноевропейской литератур, своего рода межлитературный сплав: используя литературные координаты одной культуры, им создается художественный мир другой. Тукай находит в иной литературе сюжет, мотив, полет мысли, чувственный оттенок, даже слово, и обязательно указывает на источник. В то же время, в любом обращении к «чужому» слову, он никогда не выступает в роли простого интерпретатора или переводчика. Он создает новое произведение, вкладывая в него свое индивидуальное видение, превращая «чужое» в «свое», при этом не ущемляя достоинств первого, его авторских прав. И мы можем с уверенностью констатировать, что подобное приращение стало одним из залогов возникновения татарской светской литературы, ускоренного ее развития в начале XX века. «Пограничные» художественные системы превратились в фундамент для ускоренного усвоения достижений других культур.

1. *Жирмунский В.М.* Сравнительное литературоведение. Восток и Запад. – Л.: Наука, 1979. – 500 с.
2. *Нуруллин И.* Путь к зрелости. О зарождении и развитии критического реализма в татарской литературе. – Казань: Татар.кн. изд., 1971. – 340 с.
3. *Тукай Г.* Избранное в двух томах. – Том 1. Стихотворения и поэмы. – Казань: Татар.кн.изд., 1960. – 343 с.
4. История татарской литературы нового времени (XIX – начало XX века). – Казань: «Фикер», 2003. – 476 с.
5. *Тукай.* Сайланма әсәрләр. – Икенче басма. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1960. – 479 с.
6. *Халит Гали.* Многоликая лирика. – Казань: Татар. кн. изд., 1960. – 336 с.
7. Габдулла Тукай әсәрләре. Сузлек-белешмәлек. – Казан: Татар.кит. нәшр., 2012. – 478 с.
8. *Тукай Г.* Избранное в двух томах. – Том 2. Публицистика, критика. – Казань: Татар.кн.изд., 1961. – 291 с.
9. *Тукай Г.* Сайланма әсәрләр. – Икенче басма. – Казан: Татар.кит.нәшр., 2010. – 479 с.

THE DIALOGUE OF NATIONAL LITERATURES
(BASED ON THE WORKS OF G.TUKAY)

T.N.Galiullin

This article discusses one of the ways in which the national literature acquires the achievements of other literatures at the macro level. Basing on the analysis of liberal translations of the Tatar poet, we prove that Tukay, when referring to the best examples of European poetry, remained a purely national poet, having an amazing effect of authenticity, genre diversity and poetic grace.

Key words: interliterary dialogue, contamination, Tukay's heritage, liberal translation, individuality.

1. *Zhirmunskij V.M.* Sravnitel'noe literaturovedenie. Vostok i Zapad. – L.: Nauka, 1979. – 500 s. (In Russian)
2. *Nurullin I.* Put' k zrelosti. O zarozhdenii i razvitiu kriticheskogo realizma v tatarskoj literature. – Kazan': Tatar.kn. izd., 1971. – 340 s. (In Russian)
3. *Tukaj G.* Izbrannoe v dvux tomax. – Tom 1. Stixotvoreniya i poe'my. – Kazan': Tatar.kn.izd., 1960. – 343 s. (In Russian)
4. *Istoriya tatarskoj literatury novogo vremeni (XIX – nachalo XX veka).* – Kazan': «Fiker», 2003. – 476 s. (In Russian)
5. *Tukaj.* Sajlanma əsərlər. – Ikenche basma. – Kazan: Tatar. kit. nəshr., 1960. – 479 s. (In Tatar)
6. *Xalit Gali.* Mnogolikaya lirika. – Kazan': Tatar. kn. izd., 1960. – 336 s. (In Russian)
7. *Gabdulla Tukaj əsərlərə. Suzlek-beleshmølek.* – Kazan: Tatar.kit. nəshr., 2012. – 478 s. (In Tatar)
8. *Tukaj G.* Izbrannoe v dvux tomax. – Tom 2. Publicistika, kritika. – Kazan': Tatar.kn.izd., 1961. – 291 s. (In Russian)
9. *Tukaj G.* Sajlanma əsərlər. – Ikenche basma. – Kazan: Tatar.kit.nəshr., 2010. – 479 s. (In Tatar)

Галиуллин Талгат Набиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры татарской литературы XX-XXI вв. и методики преподавания Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского федерального университета.

420008, Россия, Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: faikovich@mail.ru

Galiullin Talgat Nabievich – Doctor of Philology, Associate Professor, Department of Tatar Language and Instruction, Kazan (Volga Region) Federal University.

18 Kremlyovskaya Str., Kazan, 420008, Russia
E-mail: faikovich@mail.ru

Поступила в редакцию 12.03.2014